

ВСЕ ЖАНРЫ ХОРОШИ

В. ФОМИН

Тишина в лесной глуши
И спокойствие души,
Свет сквозь кроны тщётно бьёт –
Только тень стволов встаёт.
Дождь прошёл, луж не видать –
Здесь всё сухо, не достать
Сквозь лесной массив земли.
Столько ливней не смогли
Вызвать тут потоп, моря.
Видно, лили ливни зря.

Нежный птичий перезвон
Слышен мне со всех сторон,
То не стаи так звучат,
А одна иль две трещат,
Словно дивный диалог
Завели вдоль троп, дорог,
И поют, лаская слух,
Поднимая в мраке дух.
Лес густой, темно и днём,
Но под птичий марш идём

Мы сквозь этот мрак вперёд.
Вон вдали уж свет нам шлёт
Свой привет. Из мрачных пут
Ноги нас на свет несут,
И уже глушь за спиной,
Да от солнца под сосной
На опушке в летний зной
Перекур. Но путь далёк,
И вдыхая пыль дорог,
Шаг за шагом входим в лес –
Где как в прошлом свет исчез.

Волна разбивалась о брежную стену
И брызги вздымались до самых небес,
Взамен оставляя лишь белую пену,
Но вскоре и оной след быстро исчез.

Удар за ударом, накат за накатом,
Брызг град и потоки на мокрый песок.
Лишь время летело поспешно куда-то,
И таял за часом уж новый часок.

Вода всё бурлила и берег терзала,
На смену для зноя явился закат.
Волнение ушло, гладью море сияло,
Чтоб в нём отразился ночной звёзд парад.

Порывы дождя и гул ветра крепчали,
Срывая листочки с цветов и кустов,
На смену жаре дни ненастий настали
И к ливням теперь каждый должен готов

Быть коли выходит из дома. Мгновенье
И небо из ясного станет хмурым,
Потом мрак накроет и шанс на спасенье
Растает как дым – быть не светит сухим.

Как будто из душа поток с поднебесья
И в миг вместо луж океаны-моря.
Вода с человека сбивает все спеси!
Так значит дожди-то ругаем мы зря?

В. ГЛАДКОВ

Сердешная

– Катенька, а Катенька, иди скорей, папа пришёл! Катенька!
Ты что, не слышишь? Папа пришёл!
Дети играли увлечённо, даже самозабвенно. Дети всегда играют
увлечённо и самозабвенно. И пускай «эти странные взрослые»
думают, что все эти игры «понарошку», дети точно знают: все
«взаправду»! «Больница» или «школа», «магазин» или «косми-
ческий корабль», «прятки» или что-то ещё – все это всерьёз!
А мы – «странные взрослые» – наблюдаем за их играми, го-
ворим о развитии подражании малышей всему, в том числе и
нам, взрослым, умно рассуждаем о том, как это подражание
помогает им осознать окружающий мир и себя самих. Малы-
шам все равно. Они не просто играют, они живут игрой. И всё
у них «взаправду»!
На этот раз дети играли в «магазин». Маруся Сизова – самая пол-
ленькая девочка из всей группы – была продавщицей. Она стояла
за скамейкой, на которой были аккуратно разложены «товары»,
и с математической точностью отпускала их покупателям, не
забывая при этом отложить самый «лакомый» кусочек «това-
ра» под скамью для себя и воспитательниц. Группа же покорно
выстроилась по другую сторону скамьи в длинную очередь.
Со стороны посмотреть, – ну, настоящий магазин. Продавщица

«обвешивала» – очередь роптала; продавщица «придерживала товар» для «своих» – очередь роптала; продавщица вместо одного товара подкладывала другой – очередь роптала; и, когда очередной «покупатель» начинал совсем по-настоящему возмущаться, очередь – очередь возмущалась сильнее. Такая знакомая картина! Тогда Маруся, как взаправдашняя продавщица, слегка понижала голос, упирала руки в бока, морщила очаровательное личико, потом выбрасывала правую руку вперед и с металлом в голосе заявляла: «А тебе, ешели не нравитша, можешш нами не играть!» Завороженный твердостью Маруси «покупатель» замолкал, опускал голову, брал свой «товар» и тихо отходил. Очередь сразу затихала: никто не хотел выходить из игры. Играть хотели все! И очередь никак не кончалась. Довольные и недовольные снова вставали в очередь. Такая была игра! И игра превращалась в бесконечность.

Недовольные снова получали свои кусочки из «глины» и «песочка», а довольные из «уса» и «макаки». Довольные радовались и снова становились в очередь, недовольные огорчались и... опять занимали свое место в той же очереди. Что поделаешь, продавец-то один.

Игра – она как жизнь! И играть хочется всем.

К слову сказать, мама у Маруси была заведующая санитарно-эпидемиологической станцией. И тогда непонятно, откуда маленькая девочка знала столько о магазинах и продавщицах? Интересно наблюдать за играми детей. Ну, совсем как взрослые! И ничего, что понарошку.

Во что только не играют дети. А начнут играть – разберись попробуй. «Дорога», «Автобус», «Машина», «Паровозик», в котором есть «Билетерчик». Игрушки в «Прятки», «Салочки», «Самолетики», «Войнушку», «Милицеионов», «Директоров», «Рабочих», «Воспитательниц», «Дочки – матери», «Бабушку и дедушку». Игры в семью вообще отдельное дело. Смотришь и радуешься, а иногда плакать хочется.

Кажется, нет ничего в жизни, что у детей не превратилось бы в игру. И ведь все, как в жизни.

Дети вырастают, а игры остаются...

Вот и наша Катенька терпеливо стояла в очереди. И осталось-то два человека перед ней. Отвлеки попробуй! Папа!... Да, здесь и мама не сможет отвлечь.

Мария Павловна подошла к Кате, взяла её за руку и ещё раз повторила:

– Катенька, папа пришёл.

– Папа? – не сразу поняла девочка. Потом закричала: – Папа, папа пришёл! – и побежала в раздевалку.

Папа – мужчина лет 32 в кожаном плаще и бобриковой шапке – схватил подбежавшую смеющуюся Катеньку и подбросил вверх, поймал, ещё раз подбросил, поймал и поцеловал. А Катенька восторженно смеялась.

– Ещё папка, ещё!

И «папка» подбрасывал и подбрасывал дочку, а она обмирала от удовольствия полёта. Наконец он поставил девочку возле её шкафчика и открыл его.

– Ну-ка, где тут твои рейтузы? Давай одеваться.

– Вам помочь? – участливо предложила Марина Петровна.

– Нет! Спасибо. Мы умеем сами, – улыбнулся Он. – Мы уже совсем большие!

Девочка подняла ножку, и папа стал натягивать ей рейтузину.

– Пап, а пап, а это суббота? А почему других не разбирают?

– Нет. – сказал Он, тихо выдохнув. Стоять, нагнувшись, было не совсем удобно. Тогда он поставил девочку на скамейку и стал натягивать вторую рейтузину.

– Мы идём сегодня к маме.

– Ой, папка! – Закричала девочка, обхватила его за шею, стала подпрыгивать, чуть не повалив его.

– К мамочке, к мамочке!

Бобриковая шапка свалилась, рейтузина сползла.

– Ну ладно, ладно. Давай одеваться. Чем быстрее оденемся, тем быстрее пойдем к маме.

Девочка сразу остановилась.

– Давай! – неожиданно серьезно согласилась она.

И вот Катенька была одета. Папа выпрямился, осмотрел ее с ног до головы. Довольно улыбнулся и подмигнул дочке. Вальнички с галошами, мягкая шубка, пушистая белая шапочка с помпончиками, шарфик и варежки – все было на месте.

– Ну что, пошли?

– Пошли.

Он взял её за руку.

– Скажи Марии Петровне: «Спасибо» и «До свидания».

Катенька повернулась к Марии Петровне и сказала:

– Спасибо!

Помахала рукой и добавила: – До свидания!

Папа тоже сказал: «Спасибо» и «До свидания», и они вышли на улицу.

– До свидания! – печально повторила им женщина вслед, и когда дверь захлопнулась, вздохнув, добавила:

– Сердешная!

Старое здание больницы производило удручающее впечатление. Погода его впечатление только усиливала. День был пасмурный, серый. Подтаявший снег покрывал асфальт раскисшей серой жижей с разводами цветных пятен от масла и бензина. Хмурость погоды и здания больницы контрастировали с улыбчивостью и приветливостью персонала.

Бабушка в гардеробе улыбнулась и сказала:

– Какая хорошая девочка!

Медсестра на этаже, тоже улыбаясь, сказала:

– Какая хорошая девочка!

Молодой врач в хирургическом отделении, прежде чем начать разговор, тоже сказал:

– Какая хорошая девочка! Как тебя зовут?

– Катя, – открыто глядя ему в глаза, ответила девочка и деловито добавила, – Катя Нестерова.

– Ух, какая серьезная!

– Я уже взрослая, а взрослые все серьёзные. Мама у нас болеет, поэтому я делаю все сама.

– Да! Катенька у нас молодец, – сказал Он, – и сама посуду моет, и сама стирает, и пылесосит, и одевается тоже сама, – папа погладил дочку по голове.

– Она у нас умница.

Девочка с серьёзным видом смотрела на доктора взрослыми глазами. Ему стало немного не по себе, и он сказал:

– Ладно! Пойдём, я покажу тебе наш волшебный шкафчик, ты пока поиграешь, а нам с твоим папой поговорить надо.

Они подошли к шкафчику со стеклянными дверками, сквозь которые были видны красивые книжки и на мир с любопытством смотрели игрушки, как бы в ожидании, кто же с ними поиграет. Доктор открыл шкафчик.

– Вот, Катенька, поиграй пока. Это подарки детей, они здесь вылечились.

Игрушек было много, целый шкаф! Вот сколько детей спас доктор!

– Хорошо! – легко согласилась Катенька. – Я поиграю, уж говорите!

Папа улыбнулся и с врачом прошёл к столу в другой конец комнаты.

Катя выбрала себе большую книжку-раскладушку. На её обложке красовался удивительный замок, сверкала хрустальная туфелька. На Золушке было одето сказочное розовое бальное платье, а рядом стоял прекрасный принц, и они улыбались друг другу. Это была самая любимая её сказка. Катенька открыла первую страницу, и на ней появились Золушка, злая мачеха, фея и карета. Катенька, ещё не умеющая читать, с деловым видом уселась на маленький стульчик, послушав пальчик, как делала это её бабушка, и стала «читать», пробегая пальцем по строчкам: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...»

А врач в это время говорил, что состояние сердца после уточнённого обследования желает оставлять лучшего. Что в связи с тяжёлым состоянием пациентки и распространённостью процесса шансы на хороший исход операции невелики. Что пациентка может не пережить операцию.

– Но я понимаю Вас, – добавил доктор, посмотрев прямо Ему в глаза, как бы одобряя этот шаг героизма, – чем постоянно переносить сильнейшие боли, конечно, лучше раз и навсегда покончить с этим. Либо «Да», либо «Нет». Это, в конечном счёте, лучше, чем постоянно мучиться перед тем, как... Здесь врач запнулся и оглянулся на девочку. Но Катенька уже увлечённо углубилась в «чтение».

Что ж, это тоже была игра... И каждый играл честно.

– Без операции сколько она проживёт? – в который раз спрашивал Он.

– Может быть недели, а может быть месяца два, – в который раз отвечал доктор.

Говорил и о том, что, если бы не давление, которое оказывают на них сверху через хороших знакомых пациентки, то они

никогда не пошли бы на эту операцию. И что оперировать будет сам Петров, а он будет только ассистировать. И что при отчаянности такого шага, ему, как мужу, и ей надо подписать следующие документы. При этом протянул три бланка.

Он подписал бумаги, поставив свою подпись под уже поставленной подписью жены. В конце разговора врач предупредил, что все, что он говорил, он говорил только Ему и что «Она» об этом не знает, и теперь они могут пройти в палату к больной.

– Она с самого утра готовилась к встрече с вами.

Они медленно шли по отделению. В нем стоял специфичный запах тяжелобольных. Каждое отделение имело свой специфичный запах. Запах желудочно-кишечного отделения нельзя было спутать с запахом лёгочного отделения. Каждая палата имела свой запах. Отдельная палата интенсивной терапии, куда они вошли, тоже имела свой, отличный от других запах, но сегодня к нему примешивался... запах французских духов и фруктов! Неделю назад Она сказала:

– Мы оба знаем, – я ухожу..., поэтому я хочу проститься с вами, с тобой и Катенькой. Как надо! Чтобы вы запомнили меня не дурнушкой, а такой, какой я была раньше и какой хочу остаться для вас в вашей душе. Хорошо?! – И Она передала ему список продуктов и вещей, написанный под её диктовку медицинской сестрой. В этом списке, в том числе, значился «простой крестик, освящённый в церкви».

По переданному списку было понятно, что жена перед операцией на всякий случай собирается проститься с ними. Болезнь её вымотала, она устала. Она устала так жить! Мучаясь в болезни. Накануне, не задавая лишних вопросов, он подвёз все заказанные ей вещи. И сегодня, когда они вошли в палату, он не увидел «съеденную» болезнью женщину, он увидел Золушку, – девушку, прекрасную как воздушная фея.

В жизни, оказывается, тоже бывают сказки. Иногда...

Глаза её блестели радостью, макияж искусно скрывал следы болезни и подчёркивал её красивые строгие черты. Она сияла нежным мягким румянцем. В газовом золотистом пеньюаре с пушистым белым ореолом вокруг шеи, который она одевала всего один раз – в годовщину свадьбы, в день, когда он ей его подарил и попросил примерить.

Она превратилась в сказочную принцессу! Волосы были расчесаны и локонами игриво рассыпались по плечам. Как Он любил. Красивые золотистые волосы... Вот зачем ей нужны были деньги – двести пятьдесят рублей, которые она просила в записке. Парик скрыл последствия химиотерапии, из-за которых Она постоянно носила косыночку, скрывающую отсутствие волос на голове.

Она полусидела в изголовье кровати, как на троне, прикрыв ноги одеялом и улыбалась.

– Ой, мамочка! Какая ты красивая! – изумлённая Катенька кинулась к маме и обняла её.

Она тоже обняла свою дочь и расцеловала. Но губы её дрогнули, и слезы потекли из глаз.

Он видел, с каким трудом жена подняла руки, но дочка ничего не заметила.

– Мама, животик у тебя больше не болит?

– Нет, не болит. Котик мой! – ответила мама, улыбаясь.

– Совсем, совсем?

– Совсем, совсем! – повторила мама и прижала сильней дочку к себе.

– Ты шикарно выглядишь! – сказал Он с улыбкой, явно удивлённый.

– Ещё бы! Я так старалась!

Он подошёл и поцеловал её. В отличие от предыдущих дней, сегодня она пахла приятно. От неё исходил свежий весёлый весенний аромат.

«Какая же ты у меня красивая. Я так тебя люблю!» – грустно подумал Он.

– Ты неисправим! – Она внимательно смотрела ему в глаза, как будто читала его мысли.

– Вот выпишусь из больницы, тогда... – улыбнулась она.

Она всегда «любовь» откладывала на потом. Но на ухо уму прошептала!: «Я тоже люблю тебя!»

Они играли, совсем как дети... увлечённо, даже самозабвенно. И эта игра отделила их от той страшной действительности, – чёрного облака, нависшего над ними.

Игра так необходима и взрослым людям! Иногда...

– Вы голодные? – мягко спросила Она, – Я кое-что для вас сделала. Серёжа! Достань, пожалуйста, все из холодильника и поставь чайник.

Это была приятная игра.

И Он достал огромный торт, якобы испечённый ею, но который Он купил в магазине; закуски, которые он нарезал заранее, бутылку Пепси-Колы, итальянское шампанское Айсти и белый Мартини – ужасно дорогие! Бананы, апельсины, яблоки, клубнику, киви, виноград, сливочное мороженое, коробку конфет. Настоящий праздник в честь принцессы!

Фрукты нарезали маленькими кусочками. Положили в глубокую тарелку. Налили немного Пепси и положили мороженое. Все перемешали, а сверху украсили конфетами – «Трюфели» с цельным орехом. Приготовленное блюдо выглядело не только великолепно, аппетитно и привлекательно, но и фантастично, как сам праздник. Блюдо заставляло «течь слюнки». Его разложили всем по пиалам, а рядом положили большой кусок торта.

И Он сказал, что это «Салат по дохтурски»!

В резные бокалы налили дочке Пепси, а взрослым – коктейль – холодное шампанское с Мартини. Выпили за семью, за хорошую семью. За то, что могли прощать и не обижаться зря друг на друга. За то, что... годы проходят и не вернуть их назад, и что не будет второй жизни, и жить надо сейчас, и доставлять радость другим сейчас, именно сей час...

Ведь «потом» может не быть! Никогда!

Пришла медсестра и сказала, что пора кушать. Хотела налить супа, но увидела, что мы едим сладости и стала ругаться. Но папа сказал, что с врачом всё договорено, потом вышел с сестрой и о чем-то поговорил. Вернулся и, усмехнувшись, почему-то указал маме на кошелек. И медсестра больше не ругалась, а только сделала маме какой-то укол. И мы продолжили. «Салат по-дохтурски», был очень вкусным. Папа сказал, что его сам «доктор прописал». Я заедала его большим куском торта. Маленьких ложек не было, и я ела торт большой ложкой. А мама была такая весёлая, прямо как раньше. Они с папой пили вино и все время улыбались, и смотрели друг на друга, а ещё на меня и без конца гладили меня по голове, и говорили, какая я хорошая и умница, и какая я у них замечательная дочка. Вот так бы всегда! А ещё говорили, что когда подрасту, должна хорошо учиться, только на пятёрки и четвёрки! Никогда я раньше не ела столько мороженого и торта. Так было здорово! Как будто день рождения! День рождения семьи!

Потом опять появилась медсестра и сказала, что маме пора делать процедуры. Мы выпили в последний раз. И я пила Пепси Колу из настоящего бокала. Как взрослая! Мама сказала, что она пьёт за нас, чтобы мы были счастливы, чтобы папа берег меня, а я берегла папочку. А папа сказал, что он пьёт за неё – маму, чтобы у неё все было хорошо. При этом мама заплакала, и папа заплакал, и мне стало так жалко нашу мамочку, что я тоже заплакала. Мама меня обняла и долго плакала, и я плакала. Так мы и плакали втроём.

Потом опять пришла сестра, но папа попросил ещё пять минут, и она вышла.

Мы стали собираться. Мама больше не плакала. Она опять улыбалась. Она попросила прощения за слезы, подвела себе глаза, припудрилась. Моя мамочка такая красивая! Она такая хорошая! Она самая лучшая!

И опять пришла эта невыносимая сестра и сказала, что уже поздно! Мамочка снова поцеловала меня и обняла, и сказала, чтобы я была умницей и слушалась папу, а папочку она долго-долго целовала!

Сестра сделала ещё один укол и сказала, что он для сна. Мама повернулась на бок, сложила ладошки под щеку и тихо заснула. Папочка поправил одеяло. Мы постояли немного, посмотрели на нашу мамочку, как она улыбается во сне, тихо вышли и закрыли за собой дверь. По дороге папа поблагодарил сестру и дежурного врача.

Мы вышли из коридора к лифту. И пока ждали лифт, какая-то женщина так страшно закричала! Папа вздрогнул, а я испугалась: «Ой, мама кричит!» Но папа посмотрел на меня и сказал, что это другая женщина, а нашей маме хорошо и она спит. И что надо идти быстрее и не мешать работать. Я видела, как врач выбежал из кабинета и крикнул что-то сестре, и она начала набирать лекарство в шприц. Папа потащил меня за руку. Мы не стали ждать лифта, а спустились по лестнице. Наверное, папа не хотел, чтобы я слышала, как кричит эта женщина.

Через два дня они пришли в больницу проводить маму на операцию, но в палату их не пустили в связи «с предоперационной подготовкой». Они только видели, как её перевезли из палаты в оперблок. Мама, казалось, спокойно спала. На шее у неё висел тот самый «простой крестик» на белом тонком шнурке.

Они прождали долгих четыре часа, тянувшихся вечность. За это время они походили по коридору, сходили перекусить в ближайшее кафе, почитали книгу. В больнице сегодня было тихо. Наконец открылась тяжёлая дверь в оперблок. Вышел молодой доктор, посмотрел на папу, потом опустил глаза, прикусил нижнюю губу, помолчал, а потом сказал:

– Не могли бы вы пройти в мой кабинет? – посмотрел на девочку и добавил: – Один! – повернулся и снова скрылся за тяжёлой дверью.

– Посиди здесь, – сказал папа, – подожди!

– Папочка! Ты не уходи, я боюсь, ты такой белый-белый. Папка, не уходи!

– Ну, не бойся, – он присел на корточки, – что ты боишься? Я быстро, зайду и сразу выйду, а ты пока поиграй. Вот на тебе...

– Он стал растерянно шарить по карманам, но ничего не мог найти, потом достал ключи, погремел ими, как погремушкой, и сунул их в руку девочке.

Катенька с удивлением посмотрела на ключи, сжала их в кулачке, повернулась, подошла к банкетке, взобралась на неё, и серьёзно глядя Ему в глаза, прошептала:

– Не надо мне играть, я и так подожду!

Мужчина сначала растерялся, потом подошёл к девочке, присел рядышком и сказал, что, может быть, мама хочет передать весточку, но строгий доктор не пускает «Туда» вдвоём (он указал пальцем на дверь), тем более что маленьким «Туда» вход запрещён, а он сейчас быстро сходит и быстро вернётся. Ведь наша умница хочет получить весточку от мамы? Девочка кивнула головой.

Дверь казалась символом в другой мир, куда девочке не попасть. В принципе так оно и было!

Он хотел было что-то ещё сказать, но быстро встал, сказал: «Я сейчас...!» – и скрылся за дверью.

Они медленно брели по больничной аллее. Была слякоть, под ногами чавкал мокрый грязный снег. Они шли молча. Мужчина, опустив низко голову, бессмысленно смотрел себе под ноги. Рядом с ним шла маленькая девочка. Настроение взрослого передалось девочке, и она тоже шла, низко опустив голову. Только она глядела себе под ноги, на грязный снег и галоши, а мужчина шёл, ничего не видя вокруг.

– Папа, а когда мы опять пойдём к маме?

Но Он не ответил.

– Папа, а мы не увидим нашу маму? – Он вздрогнул.

– С чего это ты взяла?

– А почему та тётя сказала: «Иди, доченька, поговори, увидишь ли ещё!»

– Дура она, – одними губами прошептал мужчина, почему-то подумав так о всех «белых халатах».

– Мы её больше не увидим? Да, Пап!?

Он не ответил, ну как здесь ответить! И врать нельзя, а умолчать...! В воздухе повисла пауза.

Больничная аллея закончилась. Они вышли за ворота и прошли вдоль обшарпанного забора. Штукатурка на заборе местами осыпалась, образовав на стене странные узоры, и девочка шла, рассматривая эти узоры. Одно место напоминало кленовый лист, другое – профиль молодой девушки в царской короне, третье – собаку, а четвёртое – просто было грязной стеной. Игра...

– Она околела? – неожиданно спросила Катенька.

– Что? – Спросил он и очнулся от нахлынувших чувств.

– Папочка, а мама околела?

– Что ты говоришь? Кто тебе такое сказал?!

– Никто. Просто пьяный дядька соседского Шарика ногой ударил, прямо сюда, – девочка показала себе на живот. – Тот даже отлетел! А Шарик как закричит! Упал, упал вот так. – Она показала, как он упал на бочок. – А дядька подошёл и опять ногой ударил. Я у забора стояла и всё-всё видела. Он Шарика ногой так... – и она показала, как дядька ударил с размаху. – А Шарик больше не кричал, он отлетел и об забор упал. И так лежал, – она сжала кулачки, прислонила их к правой щеке и закрыла глаза, – и плакал, плакал.

Дядя Ваня забрал его домой. А он там плакал, плакал, он там целый день плакал. А потом пришёл дядя Ваня и сказал, что Шарик околел. И после этого я его никогда не видела. И я плакала. Шарика так жалко было.

– Ну, что ты, доченька. Ну, что ты! Не плачь! Ну, ты у меня такая умница, ты у меня хорошая, хорошая. Кисонька моя, котёночек мой. Давай я тебе слёзки вытру. – Он пошарил по карманам, наконец, нашёл платок.

– Давай глазки вытрем, слёзки солёненькие платочком... Раз, раз! Умница моя!

– Папа!

– Что, красавица?

– Папа, а этот дядька нашу маму тоже ногой ударил? – при этом вопросе Он от чего-то вздрогнул. – Как Шарика!

У девочки снова полились слезы.

– Ну что ты! Да кто нашу мамочку ударит. Ты же знаешь, какая она у нас хорошая. Правда, же?

– Правда.

– Ну, давай слёзки опять вытрем. Ох, уж эти непослушные слёзки...!

На следующий день папа отвёз дочку в деревню. Там было много ребят, речка и очень весело. Но через две недели Он забрал её обратно. Девочка не видела больше мамы. Она и забыла бы её

скоро, если бы ей не напоминали, что у неё была мама. У всех её подруг есть мамы! У каждого человека была мама. Девочка забыла бы, как она выглядит, если бы не остались фотографии, множество фотографий. И особенно одна, на которой мамочка такая красивая и смеётся.

А через месяц, когда у Катеньки был день рождения, пришло письмо от мамы! Она писала, что очень любит нас и очень скучает. Но сейчас она находится очень далеко. Очень-очень далеко! Там, где растут пальмы, плавают большие океанские киты и гуляют «паровозиком» слоны, взяв друг друга хоботом за хвост, а с пальмы на пальму прыгают обезьяны, потому что они едят те самые бананы, которые растут на этих пальмах. А ещё там есть хлебное дерево, и на нем растут самые настоящие булки, посыпанные маком. Она писала, что очень долго не сможет к нам приехать. В письме лежала картинка с поздравлением. На нем мама улыбалась лучезарной улыбкой и протягивала вперед красивый торт с четырьмя зажжёнными свечами. На концах свеч горел жёлтый огонёк. А торт был усыпан красными и белыми розочками. Такой вкусный, вкусный!

Через год, когда девочке исполнилось пять лет, снова пришло письмо от мамы. На нем было пять зажжённых свечей. И ещё через год пришло письмо, на котором мама со своей лучезарной улыбкой дарила торт с шестью свечами. Больше писем не было!

О. ПАНОВ

Мотл Шейнкман, или трагическая грамматика света

Il naquit dans une bibliothèque qui n'existait pas encore*.

Он родился в городе с двойным дном – Екатеринослав, Днепропетровск, Днепр, и ещё десяток неназванных. Лето 1903 года: река разливалась в своих старых берегах, как бы предвкушая метафору. Имя, данное ему, было Мотл, а фамилия – Шейнкман, что можно перевести как «красивый человек». Судьба, конечно, не могла этого простить. Внутри имени уже таилась ирония существования: еврейский мальчик, предназначенный для света, но рожденный в полумраке.

Позже он станет Светловым. Не от слова «свет», а от акта света: от вспышки, от ослепления. От попытки быть ярким в мире, где яркость часто стоит жизни.

Алхимия имени

У литературы есть тайные органы. Один из них – Комиссариат Псевдонимов. Там служили все: от Пруста до Сартра, от Бедного до Светлова. Но псевдоним «Светлов» был не маской, а пророчеством. Он светился на фоне других, как фонарь на полустанке: не освещая дорогу, а просто напоминая, что тьма не бесконечна.

* Он родился в библиотеке, которой доселе не существовало

Мотл не стал Михаилом – он стал Светловым. В этом выборе заключено не отречение, а самофигурация, точнее – попытка подменить судьбу словом. Он пытался написать себя заново. Не «переписать», как делают мемуаристы, а именно написать – впервые и навсегда.

Гренада как невозможность

Есть слова, которые, произнесённые однажды, становятся географией внутренней утопии. Для Светлова таким словом стала Гренада. Он никогда там не был — как мы никогда не бываем в местах, которые лучше всего знаем. Он выдумал её из вывески, как Данте придумал Рай: чтобы не сойти с ума.

Стихотворение «Гренада» – это не поэзия о революции. Это поэзия о невозможности революции, написанная языком, которому не положено было мечтать. Это текст-подделка, но подделка под настоящее, которого не было. По сути, он выбил визу в страну, не признающую виз.

Метафизика юмора

Светлов не был остряком – он был коллекционером интонационных провалов, мастерски подменяющим отчаяние улыбкой. «Дружба – понятие круглосуточное» – формула, которой он оправдывал вторжение в чужое одиночество в три часа ночи. Но ведь не только про телефон это: про тоску, про боязнь тишины, про необходимость быть услышанным в любое время суток. А вот другая:

«Порядочный человек – это тот, кто делает гадости без удовольствия.»

Так могла бы сказать тень Ларошфуко, если бы она жила на Мясницкой. Это и есть вся светловская алхимия: отравить цинизм иронией до состояния афоризма.

Телеграмма как литературная диверсия

Бывают строки, в которых проступает не просто стиль – а культурный срыв, спрессованная ярость, которой отказано в прямой речи. Именно в таких состояниях Михаил Светлов обращался к главному жанру эпохи – телеграмме. Не как к средству связи, но как к форме оружия, маскируемого под просьбу. Когда ситуация с деньгами достигала точки невозврата, он отправлял в редакцию следующее послание:

«Вашу мать беспокоит отсутствие денег. Пожалейте мать вашу.» Внешне – почти забота. Внутри – фугас. Слог построен на зеркальной инверсии: сначала грамматически вежливо, потом – риторически невыносимо. Структура обманчиво симметрична, но несёт на себе все приметы замаскированной матерной конструкции.

Редактор, прочитав, обязан был улыбнуться. Но под этой улыбкой начинался механизм стыда. Телеграмма не просит – она обвиняет, но с такой филигранной двусмысленностью, что даже цензор мог бы под ней расписаться.

В этом Светлов — весь. Он не матерится, но мат звучит через него, как бас в структуре хорала. Он не грубит – он превращает грубость в форму сострадания. Это и есть высшая техника выживания в обществе, где любое прямое слово может стоить головы: научиться говорить «пожалейте мать